

«Я — ЕДИНСТВЕННЫЙ ТРАГИК В ЭПОХУ СТЕБА...»

Интервью с Эдуардом Лимоновым в штаб-квартире национал-большевистской партии

— Эдуард, в последнее время вы с головой ушли в политическую жизнь. Вернемся к вашему творчеству: прошел слух, что у вас выходит двухтомник...

— Издательство «Константа» выпускает два тома — по три книги каждый. Тираж — 30 000 экз. Книги выходят одновременно. Из всего этого издавалась ранее лишь пятая часть. Это — такой зрелый-зрелый Лимонов... Рассказы из ситуаций моей жизни.

— Ситуации политические или лирические?

— Всеякие! Все перемешано, как в жизни. Первый том называется «Коньяк «Наполеон», второй — «Чужой в незнакомом городе».

— Какой в них будет Лимонов?

— Поздний — с этакой серьезностью и элегантностью. Что-то среднее между Финдджеральдом, Хемингуэем и Во.

— Что это вас на элегантность потянуло?

— Я всегда был элегантным, молодым и зрелым творцом. Вы не находите?

Новые рассказы мои написаны в хорошем стиле — ни одна фраза не пропадает, работает. Это очень мускулистая проза — без излишеств, без жира, без дряблости. Лучшие из рассказов печатались в «Плейбое», «Роллинг Стоунс» — в солидных тамошних журналах, где за один рассказ я получал около 3000 долларов.

— Про Москву что-нибудь написано?

— О Москве практически ничего нет. Среди всех рассказов (а их около 60) лишь в пяти-шести действие происходит в Москве, в России, но они скорее относятся к воспоминаниям. В общем, это вещи зрелого мастера: великолепный стиль, никакого отчуждения, никакого эмигрантства... Человек — в мире. Жизнь богемы. Мои первые годы в Париже. Безалаберная жизнь. Безалаберный секс — то с мужем и женой, то с какими-то совершенно безобразными женщинами. Путешествия по постелям, по городам, по людям. Появление разных персонажей: аристократ, египетский гомосексуалист, жена бандита...

— Только что Лимонов претендовал на элегантность...

— А это и есть элегантность — элегантность стиля!

— Вы исповедуете такие метафизические понятия, как вдохновение?

— Нет, скорее не вдохновение, а собирательство. Главное, почувствовать тональность, выбрать соответствующее начало.

— Если в процессе бурной политической жизни к Эдуарду Лимонову приходит — ну, не вдохновение, так позыв писать прозу, — он откладывает политические дела?

— Я могу сдержаться и подождать до конца выборов.

С ЭДУАРДОМ ЛИМОНОВЫМ мы встретились в Штаб-квартире Национал-большевистской партии. Штаб-квартира помещалась в подвале в центре столицы. Шел ремонт. На стенах висели плакаты, газеты, большой портрет лидера партии. На полу лежали пачки газеты «Лимонка». В шкафу с партийной литературой — зажигалка в виде лимонки. Для полноты интерьера в углу должен был расти в своей кадке лимон. Но цитрусового почему-то не было.

— Тем часом вдохновение и уйдет.

— Да нет такого понятия! Вдохновение — выдумка ленивых русских, чтобы ленью оправдывать собственную пассивность. Вдохновение позволяло некоторым людям писать роман тридцать лет. Для мастера этого понятия нет!

— Значит, ни дня без строчки? Строгая дисциплина творчества?

— Я автор экстремальный. У меня нет скучных вещей. Внутри себя, бесспорно, нужно иметь огонь, а у меня этого огня — ой сколько! Он меня временами съедает изнутри. Я бы от него избавился...

— Ну, а лирические рассказы в вашем двухтомнике есть?

— Я вообще лирик от начала до конца, единственный трагик в эпоху стеба, выворота, чертовщины. Мое будущее несомненно. У меня нет конкурентов.

— Поговорим еще о ваших книгах...

— Зачем о них говорить? Их нужно читать! Мои книги продаются...

Хочу издать книгу о войне, об удовольствии войны для многих людей — «Евангелие от Войны». В ней будет война — со всех неожиданных точек — в противоположность общепринятому образу войны.

— А для вас война что значит?

— Для меня... Я бы сейчас с большим удовольствием все бросил и поехал бы на войну — отдохнуть. Там все просто.

— Когда убивают — больно!

— А вы хотите вечно жить? Ничего подобного! Кто прожил четыре сезона; тот все уже видел. Сейчас все стремятся жить — любой ценой. Я хотел — и жил в Нью-Йорке. Хотел — в Париже. Этим отличается герой от обывателя. Обыватель — дерьмо! Не вычеркивайте этого в интервью. Да здравствуют герои! Смерть обывателя!

— Вы не опасаетесь такими лозунгами испугать своего избирателя?

— Это не повлияет на мои выборы. Избиратель — говно. Его надо бить ногами. Хотя я многих жалею...

— Может быть, Лимонов хочет вызвать жалость к себе?

— Я, напротив, человек злой, который мучается один. Он кричит, ругается, орет совершенно

непотребные вещи, но остается самим собой... Тут с меня одна ясновидящая пыталась сглазить. Говорит, что меня сглазили миллионы людей. Ходила вокруг меня со свечой, залила мне весь пол... Говорила, что мне нужно стать другим, хорошим...

А тут еще я письма недавно от двух женщин получил. Тоже советуют мне стать хорошим, спрашивают, почему я женюсь на блядах? Мол, мне нужна хорошая-хорошая женщина... А я совсем не хочу быть хорошим. Хочу воровать, грабить, убивать и жить с блядами, потому что они интереснее.

— У вас в штаб-квартире разместились целый комплекс.

— В этом помещении — наш штаб, редакции газеты «Лимонка» и журнала «Элементы». Есть и бар...

— Интересно, как национал-большевики относятся к алкоголю?

— Алкоголь — неотъемлемая часть нашей жизни. Но мы по окончании работы позволяем себе слегка — как все нормальные люди — праздновать окончание рабочего дня.

— Судя по наименованию вашей партии, вы должны отдавать предпочтение «национальным» напиткам...

— Шнапсу?! Если верить «Московскому комсомольцу», то мы должны пить только шнапс и ежеминутно выбрасывать руку в гитлеровском приветствии. Это не так, разумеется. У нас свое приветствие — сжатый правый кулак.

— Так вы и идете к выборам — со сжатым правым кулаком?

— У нас проблемы с регистрацией федерального статуса. Мы решили выставить по кандидату в одномандатных округах. Меня и Егора Летова — в столице, Александра Дугина — в Ленинграде, а также — в Кирово-Вятке, Екатеринбурге, в прочих местах... Союз с другими партиями у нас покамест не получается, блоков создавать пока не будем. Ближайшая задача национал-большевистской партии — стать парламентской. Будем прикладывать для этого все силы.

— В ком вы видите своих союзников?

— Союзников у нас очень мало. Есть небольшие партии экстремалов. С кем-то мы частично

сходны, но не во всем... Мы против реставраций! России нужна национальная и социальная революция. Необходимо освободить ее от засилия Запада, от засилия инородцев и иноверцев — во всех смыслах, от новых русских, этих совершенно мерзких существ. Нигде такое хрупкое и аморальное состояние общества не держится долго. Кого может вдохновить абсолютно серая партия пенсионеров Зюганова и других выходцев из мира чиновников бывшей номенклатуры? Сегодня люди не станут пероврачивать страну во имя коммунистических идей. Сегодня Россия — это огромная криминальная зона, где большинство населения за чертой нищеты.

— Каким вам видится государственный строй в России?

— Россия должна быть национальным государством. Есть единый русский народ — и вся политика должна делаться относительно критериев интереса доминанта — русского народа.

— Сейчас большинство новых русских надевает маску интеллигенции. Как быть с этой прослойкой классового пирога?

— Кто это сказал? Я думаю, интеллигенция по-настоящему страдает больше других классов. Конечно, она приняла участие в бездумном разрушении страны — начиная с 1986 года. Спустя годы кто-то, несомненно, высчитает и оценит эту страшную вину. Но сегодня можно с уверенностью говорить, что интеллигенция потеряла гораздо больше других, она еле сводит концы с концами, живет огородами...

— Как вы относитесь к тому, что многие испытывают к вам полярные чувства: одни принимают всецело, другие ненавидят?

— Безусловно, многие ненавидят меня как символ чего-то... Но я горжусь этим: значит, я вел себя достаточно неординарно и честно...

— На какого читателя рассчитывает писатель Лимонов: на тех, кто читал его предыдущие книги, или на новых?

— Я пишу настоящую современную классику. А это нужно всем!

По окончании интервью мы распили в новеньком баре партийной штаб-квартиры принесенную с собой бутылку французского шампанского. Эдуард Лимонов оказался и здесь верен себе: он предпочел отечественное вино — крымский портвейн. Нашу реплику относительно того, что этот портвейн сегодня также является зарубежным вином, писатель проигнорировал. Крым для него оставался Россией.

В штаб-квартире национал-большевиков побывал Александр ЩУПЛОВ.

АНЖЕЛИКА —
МАРКИЗА
БИБЛИОКОЛЛЕКТОРОВ

Издательская политика и потребности библиотек. Система их книгоснабжения. Проект «Book in print». Доставка обязательного экземпляра. Общий книжный рынок на пространстве СНГ...

Целью работы «круглого стола» «Книжный рынок и библиотеки», организованного в рамках Московской международной ярмарки «Энциклопедии, словари и справочники мира-95» Российской государственной библиотекой, было наметить согласованную программу действий книгоиздателей, книготорговцев и библиотечкарей. Ибо интересы их соединились на благородном предмете, с которым они работают. На книге, на том мире знаний и духовности, высших, абсолютных ценностей, который единственный и может вывести из состояния глубокого обморока усталую российскую культуру.

«Круглый стол» напоминал собой консилиум, к участию в котором были привлечены Министерство культуры РФ, Госкомитет РФ по печати, ассоциация книгоиздателей и книготорговцев, Международное общество книголюбив, библиотечные коллекторы, крупные библиотеки всех систем и ведомств, включая периферийные, Библиотечная Ассамблея Европы и другие.

Заседание было продолжительным и скорбным, а выступления исполнены тягостными раздумьями и неподдельной болью за будущее страны, в которой культура финансируется по остаточному принципу.

Сегодня 96% российских библиотек вообще не охвачены никаким комплектованием. На полках сельских библиотек постепенно воцаряются «Анжелика» и «Тарзан», а библиотечные коллекторы превращаются в книжные свалки.

Много нареканий было высказано в адрес Министерства связи, «всеми фибрами своей нахальной души» мешающего просветительской деятельности.

Оживленную дискуссию вызвала проблема обязательного экземпляра. Так как далеко не все издатели, вышедшие на книжный рынок, решаются отдать бесплатно дорогую книжку или альбом, то нарушителей обещали отдать в «черный» список для публичного позора. Рост малотиражных изданий (200—300 экз.) также осложнил проблему. Например, элиту русского поэтического творчества — Парщикова, Вознесенского и др.

— охотно приобретают библиотеки Германии, США, Японии, наша же публика пока не оценила их по достоинству.

«Круглый стол» не ставил своей задачей принимать решения, да и не имел на то полномочий. Проанализировав и обсудив сложившуюся ситуацию, он ограничился декларацией, призывающей к сотрудничеству в целях свободного и равноправного доступа к знаниям все заинтересованные организации, а также ученых, специалистов и предпринимателей.

В ближайшие дни декларацию предполагается широко опубликовать в средствах массовой информации.

Евгения УЛЬЧЕНКО.

Лимонов Эдуард

12. 12. 95